

Еп. Антоній Барановскій.

ЗАМѢТКИ

О

ЛИТОВСКОМЪ ЯЗЫКѢ И СЛОВАРѢ.

I — VIII.

ИЗДАНИЕ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ
АКАДЕМІИ НАУКЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лн., № 12.

1898.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Апрѣль 1898 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ LXV-го тома Сборника Отдѣленія русскаго языка и
словесности Императорской Академіи Наукъ.

ЗАМѢТКИ

О

ЛИТОВСКОМЪ ЯЗЫКЪ и СЛОВАРЬ.

І.

Вполнѣ раздѣляю общее сознаніе ученыхъ филологовъ относительно потребности литовско-русскаго словаря. Словарь литовскій съ переводомъ хотя бы и на какой-нибудь другой, общезнакомый ученымъ языкъ, при настоящемъ развитіи языкознанія былъ бы все-таки весьма полезнымъ. Заключая въ себѣ громадный лингвистическій матеріалъ, съ богатою морфологіей, литовскій языкъ, по отличной выработкѣ своей многообразной флексіи и синтактическихъ словосочетаній, съ точностію и отчетливостію опредѣляющихъ состояніе, положеніе, количества, качества и соотношенія предметовъ и дѣйствій, самъ собою представляетъ важный и интересный предметъ для науки. По прозрачности же и полнотѣ своего этимологическаго строя, по различіямъ живыхъ его нарѣчій и говоровъ, языкъ этотъ объясняя законы, по которымъ въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ давно уже совершились звуковыя перемѣны и едва замѣтные теперь процессы, облегчаетъ ученымъ сравнительныя лингвистическія изслѣдованія. Поэтому европейскіе лингвисты ревностно

изучают литовскій языкъ и оказываютъ радушный пріемъ сочиненіямъ посвященнымъ его изслѣдованію. Важность и польза литовскаго словаря съ русскимъ переводомъ для насъ еще значительнѣе, потому что онъ облегчилъ бы русскимъ лингвистамъ изученіе литовскаго, а литовцамъ русскаго языка.

Составленіе литовскаго словаря сопряжено съ немалыми трудностями, такъ какъ почти весь матеріалъ находится въ устахъ литовцевъ. Письменные же произведенія отечественныхъ и заграничныхъ литовскихъ писателей, по своей количественной и качественной малозначительности, отнюдь не составляютъ достаточнаго источника свѣдѣній, необходимыхъ для подобнаго рода изданія. Собраніе изъ устъ народа столь громаднаго матеріала, не говоря уже о надлежащей его обработкѣ, требуетъ многолѣтнихъ утомительныхъ трудовъ и значительныхъ издержекъ. Словари другихъ языковъ составлялись соединенными трудами многихъ специалистовъ въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій и многихъ поколѣній при помощи цвѣтущей литературы, и лишь послѣ многихъ болѣе или менѣе удачныхъ опытовъ были доведены до того совершенства, какимъ нынѣ обладаютъ. Трудно было бы ожидать отъ литовскаго словаря такой обработки, если бы онъ былъ составленъ трудами одного человѣка, лишеннаго пособій и при томъ въ продолженіи немногихъ лѣтъ.

Языкъ есть органъ человѣческаго духа, выраженіе мысли и чувства человѣка, зеркало общественной и частной жизни говорящаго племени, хранилище умственныхъ и нравственныхъ его приобрѣтеній, наслѣдуемыхъ потомками отъ предковъ, связь, обнимающая время и пространство и соединяющая всѣ поколѣнія и всѣ личности, индивидуумы, въ одно цѣлое, посредствомъ впечатлѣнія на каждомъ изъ нихъ общеплеменного характера, и вмѣстѣ съ тѣмъ—живая, традиціонная лѣтопись важнѣйшихъ, междуплеменныхъ соприкосновеній и соотношеній. При изслѣдованіи языка необходимо обращать вниманіе на его общій элементъ и на частныя различія его говоровъ. Первый находится во всѣхъ историческихъ фазисахъ языка и во всѣхъ говорахъ; послѣднія

же встрѣчаются только въ отдѣльныхъ областяхъ и составляютъ продуктъ сравнительно недавняго времени. Безусловно общій элементъ въ языкѣ образуется вмѣстѣ съ возникновеніемъ племени, въ эпоху его первобытнаго, семейнаго состоянія и остается въ немъ, какъ подкладка подъ всѣми различіями нарѣчій и говоровъ, выработанныхъ его исторіей. Таковы въ языкѣ корни, основы, формы, система прототипической флексіи и словосочетаній, одинаково употребляемыхъ во всѣхъ нарѣчіяхъ и говорахъ. Различія же между отдѣльными нарѣчіями и отдѣльными говорами, составляютъ частный элементъ языка. При составленіи словаря необходимо имѣть въ виду оба элемента и собирать матеріалъ на всемъ пространствѣ, обитаемомъ литовцами. Есть предметы, имѣющіе разное названіе по отдѣльнымъ говорамъ, напр. комаръ: *ūdas*, *wárgms*, *kuisỹs*; голубь: *karwēlys*, *ba-lāndys*; камоль: *baūžas*, *szmūlas*, *būlas*, *gļūmas*. и мн. др. Есть слова, употребляемые по всѣмъ говорамъ, но съ различнымъ значеніемъ, напр. *smagūs* ж. *smagì*: броскій, тяжкій, рѣзвый; *czêdyti*: щадить, вкушать; *gêtys*: рѣдкое рѣшето; рѣшето всякое и т. п.

Говоры образовались медленно въ продолженіи долгаго времени. При количественномъ развитіи племени возникаютъ группировки общественныхъ интересовъ, соединяющихъ по областямъ массы народа въ тѣснѣйшія отношенія, отъ которыхъ, со временемъ, происходятъ по отдѣльнымъ областямъ различія нравовъ и обычаевъ въ жизни, а въ языкѣ—различія говоровъ. Литовскій языкъ, по принятіи образованными сословіями языка польскаго, въ продолженіе четырехъ столѣтій былъ языкомъ неграмотныхъ крестьянъ, общественная жизнь которыхъ вращалась въ тѣсныхъ кружкахъ, во 1-хъ въ семейныхъ сосѣдскихъ и родственныхъ собраніяхъ: на крестинахъ, свадьбахъ, похоронахъ и т. д., во 2-хъ въ барщинныхъ сходкахъ у своихъ помѣщиковъ и старостъ; въ 3-хъ въ праздничныхъ церковныхъ собраніяхъ цѣлыми приходами и въ 4-хъ въ базарныхъ и ярмарочныхъ встрѣчахъ, куда иногда прибывали покупатели и про-

давцы изъ нѣсколькихъ приходовъ. Такимъ образомъ жители одной мѣстности въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій не встрѣчались съ соплеменниками другихъ отдаленныхъ мѣстностей и посему неудивительно, что многія слова, формы и обороты рѣчи общаго литовскаго языка, носящаго отпечатокъ древней высокой племенной культуры сохранившіеся въ однихъ нарѣчіяхъ, въ другихъ вышли изъ употребленія. Древнѣйшіе письменные памятники: Даукши, Ширвида, Хилинскаго, Моркуна, Кейданскіе молитвенники, Мемельскій катехизисъ, и пр. писаны уже на извѣстныхъ авторамъ литовскихъ нарѣчіяхъ. Изъ сего слѣдуетъ, что нарѣчія образовались въ доисторическое время литовскаго племени вслѣдствіе расселенія его по областямъ, не имѣвшимъ постояннаго и полнаго сообщенія между собою. Поэтому и самое полное собраніе словъ и объясненій ихъ значенія въ одномъ какомъ-нибудь нарѣчій не можетъ представлять всего матеріала для литовскаго словаря.

Правописаніе литовскаго текста должно стремиться къ облегченію читателямъ изученія звуковыхъ законовъ литовскаго языка. Нѣмецкіе филологи, въ особенности Шлейхеръ и Куршатъ, многое уже сдѣлали для литовскаго правописанія; но они еще не успѣли вполне выяснитъ нѣкоторыхъ вопросовъ и избѣгнуть нѣкоторыхъ неточностей, какъ это обнаружится ниже.

Статьи словаря представляютъ факты, на которыхъ ученые основываютъ свои научные выводы. Эти выводы будутъ тѣмъ точнѣе, чѣмъ точнѣе факты. Всякое искаженіе фактовъ всегда вредитъ наукѣ. Положительныя науки не мыслимы тамъ, гдѣ нѣтъ возможности провѣрить данные факты. Поэтому и при составленіи словаря слѣдовало-бы собранныя и отчетливо записанныя слова и фразы отмѣчать какимъ-нибудь знакомъ указывающимъ, къ какому онѣ принадлежатъ элементу языка: къ общему или частному, а равно обозначать и мѣстность ихъ употребленія.

Переводъ словъ долженъ быть, по мѣрѣ возможности, точнымъ и полнымъ. Всякое слово, взятое отдѣльно, имѣетъ свое буквальное значеніе; многія слова имѣютъ еще значеніе метафорическое,

а нѣкоторыя и техническое. Изложеніе сихъ значеній принадлежитъ къ полнотѣ перевода. Неполнота перевода въ напечатанныхъ литовскихъ словаряхъ бросается въ глаза на каждой страницѣ. Я объяснилъ выше значеніе им. прилаг. *smagùs, -gì* бросскій, вѣсскій, рѣзвый. Прямое значеніе сего слова, бросскій, сохранилось въ восточномъ нарѣчїи и доказывается глаголомъ, *smagiù, smogiaù, smôgti*, бросать пращей; *smagì rankà*, бросская рука, *smagiai sudûti*, сильно ударить. Бросскость, *smagūmas*, выражаетъ силу субъекта, вѣсскость бросаемаго предмета и успѣхъ дѣйствія. Въ однихъ литовскихъ мѣстностяхъ слово *smagus, -gì*, употребляется въ значеніи вѣсскій, тяжкій; въ другихъ же — рѣзвый. Ксендзъ *Miežinys* переводитъ: веселый, радостный, живой, рѣзвый; Куршаты же: *geschmeidig, bequem zu handhaben*; наконецъ Нессельманъ: *schwer zu tragen oder zu ziehen*. Всѣ три перевода неполны и не совсѣмъ точны. Имя существительное *radėjimas*, употребляется въ значеніи: положеніе, мѣстоположеніе, помощь, распоряженіе, уставъ, глава въ книгѣ. Кс. М. переводитъ: положеніе, мѣстоположеніе, Куршаты же: *die Hilfe*; оба перевода неполны. Весьма богатая видами морфологія литовскаго языка представляетъ слова въ нѣсколькихъ различныхъ формахъ, значеніе которыхъ, на первый взглядъ, одинаково; основательное, однакожъ, изслѣдованіе словопроизводства и внимательное наблюденіе употребленія сихъ формъ народомъ, удостовѣряетъ что всякое видоизмѣненіе слова по составнымъ частямъ, получаетъ извѣстный отгѣнокъ въ значеніи, отчетливо понимаемый чутьемъ говорящаго, хотя бы и необразованнаго народа и доступный изслѣдованіямъ ученыхъ. Точное изъясненіе подобныхъ различій лежитъ на обязанности лексикографа. Слова въ синтактическихъ сочетаніяхъ подчиняются разнымъ вліяніямъ, измѣняющимъ смыслъ. Лексикографъ обязанъ подобныя измѣненія объяснить соответствующими фразами. Въ переводѣ слѣдуетъ излагать при каждомъ словѣ въ отдѣльности не только его буквальное, но и метафорическое и техническое значеніе если таковое имѣется, съ изъясненіемъ си-

нонимическихъ оттѣнковъ, избѣгая при томъ излишняго накопленія фразъ съ одинаковымъ значеніемъ, и пропущенія фразъ значеніе измѣняющихъ.

II.

Буквы изображаютъ звуки, звуки-же составныя части словъ и затѣмъ словъ. Въ составныхъ частяхъ словъ замѣтны двоякіе процессы: этимологическіе и фонетическіе. Первые совершаются въ словообразованіи и флексіи; послѣдніе же—при различномъ произношеніи по нарѣчіямъ и говорамъ однихъ и тѣхъ-же этимологическихъ элементовъ. Въ словахъ напр. *tūk-ti*, и *táuk-as*, перемѣна гласнаго звука *u*-въ *au* въ корнѣ: *tūk-*, *táuk-*, составляетъ процессъ этимологическій. Въ формахъ же слова *žasis*, гусь, частной фонетики говоровъ: *žasis*, *žąsis*, *žq̃nsis*, *žq̃sis*, *žōsis*, *žusis*, перемѣны *ą* въ: *a*, *q̃n*, *q̃u*, *o*, *u*—процессъ фонетическій. Группировка фактовъ одинаковыхъ перемѣнъ и наблюденіе условій, при которыхъ они совершились, приводятъ къ познанію этимологическихъ законовъ языка. Правописаніе, основанное на законахъ этимологическихъ, называется этимологическимъ; основанное же на точныхъ фактахъ различнаго по нарѣчіямъ и говорамъ произношенія—фонетическимъ. Правописаніе можетъ быть или строго этимологическимъ, или строго фонетическимъ, или же преимущественно тѣмъ или другимъ.

Правописаніе строго этимологическое требовало бы возстановленія многихъ устарѣлыхъ формъ въ языкѣ, перемѣнившихся въ историческихъ процессахъ общей фонетики при развѣтвленіи праязыка въ одноименные языки, и въ строѣ произношенія, и представляло бы не живой, а какой-то мертвый, темный и для пракческаго употребленія неудобный языкъ, или одинъ изъ давно минувшихъ его фазисовъ. Возстановленіе очень трудно, по-

тому что языки нашего времени значительно подержаны, лишены своей древней этимологической полноты. Время вращаетъ жизнью племень, сотрясаетъ ихъ духомъ, видоизмѣняетъ обычаи и нравы. Все это отражается въ языкѣ, какъ зеркалѣ племенной жизни. Слова въ устахъ народа со временемъ сглаживаются, какъ камешки, ворочаемые струей или волнами, теряютъ свою шероховатость и объемъ: окончанія словъ стираются, начало и середина корчатся и сглаживаются, слоги сокращаются, срываются съ окончаній, выпадаютъ изъ середины; краткіе гласные, за убылью придыханій, сливаются въ одно, производя долгіе звуки. Фонетика языковъ нашего времени, напр. новогреческаго, нѣмецкаго и пр. непохожа на древнюю, сохранившуюся въ письменныхъ памятникахъ напр. Гомера, Ульфилы и др. Въ произношеніи французскихъ словъ, заимствованныхъ изъ латинскаго языка, напр. *maître, jeûne, ancêtres, œil*, трудно догадаться древнихъ формъ: *magister, jejunium, antecessores, oculi*. Чѣмъ болѣе перемѣнъ совершается въ племенной жизни, тѣмъ болѣе ихъ и въ языкѣ. Племя, сплоченное и замкнутое въ себѣ, имѣющее немного соприкосновеній съ другими племенами, проводитъ домашнюю и общественную жизнь въ продолженіи вѣковъ въ одинаковой обстановкѣ; поэтому и языкъ его менѣе другихъ подвергается перемѣнамъ. Литовскій языкъ въ словообразованіи и флексіи сохранилъ полныя формы, сгладившіяся уже въ другихъ Индо-Европейскихъ языкахъ; но и въ этихъ его формахъ находятся слѣды этимологическихъ процессовъ въ образованіи увеличенныхъ гласныхъ и подъёмовъ. Перемѣнамъ, главнымъ образомъ, подвергаются окончанія словъ. Составы корней отличаются устойчивостью гораздо большею, нежели морфологическіе и флексійные инфиксы и суффиксы. Между тѣмъ, увеличенные гласные и подъёмы очень часто встрѣчаются не только въ послѣднихъ, но и въ первыхъ. Въ продолженіе послѣднихъ трехъ вѣковъ видоизмѣненія въ литовскихъ словахъ весьма рѣдки, малозначительны и встрѣчаются лишь въ окончаніяхъ, какъ о томъ удостовѣряютъ изданія 16-го вѣка. Къ пе-

ремѣнамъ новѣйшаго времени принадлежитъ образованіе говоровъ, которому предшествовала эпоха образованія нарѣчій, совершившагося, какъ я замѣтилъ выше, въ доисторическое время Литвы; образованіе же увеличенныхъ гласныхъ и ихъ подъемовъ совершилось еще раньше; во всякомъ случаѣ не позже эпохи развѣтвленія летто-литовскаго праязыка на языки: литовскій, прусскій и латышскій, а также и другихъ праязыковъ Индо-Европейской семьи на языки, сохранившіеся до нашего времени. По симъ соображеніямъ изслѣдованіе процессовъ возникновенія увеличенныхъ гласныхъ и ихъ подъемовъ — дѣло филологовъ, занимающихся сравнительною лингвистикой. Моя задача состоитъ въ изложеніи началъ общаго правописанія литовскаго языка, которое соотвѣтствовало-бы его нарѣчіямъ и говорамъ. Правописаніе такое должно быть только преимущественно этимологическимъ, основаннымъ на полныхъ формахъ словъ, составляющихъ подкладку нарѣчій и говоровъ. Формы эти отыскиваются посредствомъ сравненія нарѣчій и говоровъ. Такъ какъ согласно вышесказанному полныя формы словъ отъ продолжительнаго употребленія, сглаживая этимологическіе элементы, сокращаются и такимъ образомъ общій элементъ языка передѣлывается въ особенности говоровъ, то при подробномъ сравненіи говоровъ полныя формы предпочитаютъ сокращеннымъ, общія частнымъ, прототипическія созданнымъ аналогіей, акцентъ первичный вторичному. Принявъ за исходную точку теорію Шлейхера о подъемахъ, ослабленіяхъ и количественныхъ увеличеніяхъ литовскихъ гласныхъ, я ограничусь въ изслѣдованіяхъ этимологія примѣненіемъ ея къ лингвистическимъ фактамъ съ подробнымъ разсмотрѣніемъ количества, состава, акцента, фонетическаго и ритмическаго строя литовскихъ словъ и главныхъ различій между нарѣчіями и говорами въ предѣлахъ Ковенской губерніи, при сравненіи которыхъ, по мѣрѣ надобности, употреблять буду и правописаніе фонетическое.

Литовскій вокализмъ состоитъ изъ слѣдующихъ буквъ:

	простыхъ	сложныхъ	юсовъ	двугласныхъ.
твердыхъ	а, о, u	ū	ą, ę	ai, au, ui
смягченныхъ . .	ia, io, iu	iū	iaę, ię	iai, iau, iui
мягкихъ	е, ё, i, y	ė	ę, i	ei

Буквы сіи такъ пишутъ Шлейхеръ и Куршатъ, за исключеніемъ одного только сложнаго звука ё, который К. пишетъ ię. Звукъ этотъ въ литовскихъ нарѣчіяхъ произносится ie въ говорахъ R2 и R3 ia; въ говорахъ же жмуйдскаго нарѣчія ŽT ei ŽR y; во всѣхъ литовскихъ и жмуйдскихъ книгахъ до Шлейхера писалось ie. Шлейхерово ё болѣе соотвѣтствуетъ различіямъ нарѣчій, нежели двѣ буквы ie. Куршатово начертаніе ię несообразно по слѣдующимъ соображеніямъ: а) звукъ, выражаемый буквой ё, имѣетъ всюду количество долгое, равное цѣлому звуку, выражаемому буквой ė (ė = ё), буква же i въ начертаніи ię выражаетъ отдѣльный гласный звукъ, имѣющій количество отдѣльное отъ звука ё, при конечномъ составѣ слога меньшее, при начальномъ же — большее количества звука ё; напр. rięwa (ё краткое) kięmas (ё среднее). б) Акцентъ нисходящій (gestossener Accent) предоставляет удареніе звуку i: rięwa, Куршатъ же обозначаетъ: rięwa = rięwa, какъ будто бы удареніе падало на первый количественный моментъ звука ё, и какъ будто бы звукъ этотъ былъ долгимъ. Въ словахъ rię-wa и rię-das, первые слоги по количеству равны между собою, rię- = rię-. в) Акцентъ восходящій (schleifender Accent) Куршатъ помѣчаетъ kięmas = kię-mas; онъ же помѣчаетъ долгое ё такимъ же восходящимъ акцентомъ, напр. rię-das, какъ будто бы часть звука ё въ начертаніи ię, въ словѣ kięmas, имѣла количество равное количеству такого же звука ė въ первомъ слогѣ rię- въ словѣ

gēdas; между тѣмъ слоги: kē- и gē въ словахъ kē-mas и gē-das между собою равны: gē = kē = kī + ē. По симъ соображеніямъ я предпочитаю начертаніе ē начертаніямъ: iē и ie.

Всѣ гласныя буквы Шлейхеръ выводитъ изъ трехъ первичныхъ основныхъ краткихъ гласныхъ ā ī ū; поэтому онѣ распредѣляются въ слѣдующіе три ряда:

- 1, рядъ а имѣеть: а, а, іа, іа, е, е е, і, у, і, о, іо
- 2, » і » і, у, і, ё, еі, аі, іаі,
- 3, » у » у, у, іу іу, ѹ, і ѹ, ау, іау (ау, іау, оу, іоу).

Процессъ этимологическихъ перемѣнъ основныхъ гласныхъ, по Шлейхеру, бываетъ троякій: а) ослабленіе, б) количественное увеличеніе и в) подъемъ.

Ослабленіе свойственно одному только звуку а, вмѣстѣ съ соотвѣтствующимъ ему юсомъ а, и имѣеть двѣ степени. Въ первой а перемѣняется въ е, а въ е; напр. корень gras- въ глаголѣ gras- ūti, грозить, имѣеть ослабленный гласный е въ I основѣ (настоящаго времени) глагола grēs-ti, строго запретить, gres-iū, gres-ī, grēs-ia, grēs-ia-me, grēs-ia-te, gres-ia-s, gres-ia-nti, gres-ia, grēs-ia-ma, grēs-ia-mas, gres-ia-mā. Корень graž въ глаголѣ graž-in-ti, возвращать, имѣеть ослабленный юсь е въ глаголѣ grēž-ti, поворотить. Во второй степени ослабленія е перемѣняется въ і, е въ і, напр. въ глаголахъ: grīs-ti, отвыкать, избѣгать и grīž-ti, вернуться.

Количественное увеличеніе принимаютъ звуки краткіе: е, і, у, перемѣняясь въ долгіе ё, у, ѹ. Звукъ і, какъ первичный основной, такъ и вторая степень ослабленнаго звука а, увеличивается въ у, напр. въ глаголѣ spīg-ti, лягнуть, і представляетъ второе ослабленіе а корня srag-, въ многократномъ видѣ глагола srag-du-ti, лягать; въ I основѣ spīr-iū, spīr-ī, spīr-ia; во II основѣ (прошедшаго времени) имѣеть spūr-iau, spūr-ei, spūr-ē, spūr-ē-me, spūr-ē-te, spūr-ēs, spūr-usi, spūr-e, spūr-ī-mas, spūr-ējas, spūr-ūs, и пр. Глаголь rīsz-ti, вязать, имѣеть основной звукъ і, а въ им. сущест. gysz-ūs привязъ, увеличенный у. Въ глаголѣ

krip-terėti, шатнуться, (однократный мгновенный видъ), и krip-sė-ti, шататься (многократный мгновенный видъ), имѣется і первичное основное; въ видѣ же kgr̃-ti, клониться, — увеличенное у. Звукъ е увеличивается въ ё, напр. глаголѣ gr̃s-ti, строго запрещать имѣетъ въ I основѣ e, gre-siù; во II ё, gr̃s-iaũ, и пр. и въ III, gr̃s-dawau, gr̃e-siù, gr̃s-k, gr̃s-ti, ё увеличенный звукъ. Звукъ u краткій увеличивается въ u долгое, напр. глаголѣ kūr-ti, зажигать, въ I основѣ: kūr̃iù, kūr̃i, kūr̃-ia и пр. u- краткое; во II же: kūr̃-g-iaũ kūr̃-g-ei, kūr̃-r̃e, и пр. u долгое. Глаголѣ: gr̃iu-wù, gr̃iũ-wau, gr̃iũ-ti, въ I и III основахъ имѣетъ увеличенный звукъ iu- долгое, во II же, -iu- краткое. Звукъ а и юсы въ корняхъ не имѣютъ количественнаго увеличенія.

Подъемъ имѣютъ всѣ три первичные основные звуки: а, і, u, и соотвѣтствующіе имъ смягченные звуки: ia, iu; а имѣетъ одну, і и u, по двѣ степени подъема. Юсы же, какъ принадлежащія къ числу долгихъ звуковъ, не имѣютъ подъема. Звукъ а въ подъемѣ перемѣняется въ о, напр. корень gras- въ глаголѣ gras-ýti, грозить, имѣетъ подъемъ въ существит. gr̃s-à, благочиніе. Есть корни, имѣющіе всѣ вышеупомянутыя перемѣны, къ числу которыхъ принадлежитъ и корень gras-: gr̃s-ti, gr̃s-iu, gr̃s-iaũ, gr̃s-ti; gras-ýti, gr̃s-à. Также корень twar-: tw̃r̃-tas, дюжій, tw̃r̃-iù tw̃r̃-iaũ, tw̃r̃-r̃ ti, городить, созидать, tw̃r̃-à, заборъ. Звукъ і въ первой степени подъема перемѣняется въ ё, иногда въ ei; во второй же, въ ai; напр. tĩk-ti, попасть, нравиться, сходствовать; pasi- t̃ek- èti, заискивать; teĩkt -es, благоволить; táik-inti, согласовать, устроить, улаживать. Snĩg- ti, снѣжить; sñg- uriũti, немного снѣжить; sñg-as, снѣгъ; sñig- èti, снѣгомъ порошить, — видъ продолжительный; snaig- ýti, видъ многократный продолжительный того же глагола sñig- èti. Звукъ ũ въ первой степени подъема перемѣняется въ ũ, во второй — въ au, напр. корень pl̃r̃- въ глаголѣ pl̃r̃-ti, начинать сильно течь, (видъ начинающаго сильнаго дѣйствія); въ глаголѣ rapl̃r̃- èti, сильно прорваться, хлынуть,

(видъ однократный непродолжительнаго сильнаго дѣйствія), имѣется увеличенный, долгій звукъ *u*; въ глаголѣ *plũp- ti*, изливаться (видъ продолжительнаго сильнаго дѣйствія), *ũ* — первая степень подъема; *plaiũp- ti* течь сильною струей, (видъ продолжительнаго усиленнаго дѣйствія), *au* — вторая степень подъема. Корень *sriũb-* въ существит. *sriũbà*, похлебка, съ подъемомъ первой степени въ глаголѣ *sriũb- ti*, хлебать, и второй — въ глаголѣ *sriaiũb- ti*, впиваться. Звуки: *ũ*, *au*, передъ гласнымъ звукомъ превращаются въ слогъ: *a w*, *ow*; звуки же: *iũ*, *iau*, въ слогъ: *ia w*, *iow*, напр.

<i>ũ</i> въ <i>aw</i> : <i>szlũ- ti</i> мести	прошед. вр. <i>szław- iaũ</i>
<i>iũ</i> въ <i>ia w</i> : <i>wažiũ- ti</i> , ѣхать	» » <i>wažia w- aũ</i>
<i>au</i> » <i>aw</i> : <i>gáu- ti</i> , получить	» » <i>gaw- aũ</i>
<i>iau</i> » <i>ia w</i> : <i>kariáu- ti</i> , воевать	» » <i>karia w- aũ</i>
<i>au</i> » <i>ow</i> : <i>kráu- ti</i> , складывать	» » <i>krów- iau</i>
<i>iau</i> » <i>iow</i> : <i>sriáu- ti</i> , плевать	» » <i>sriów- iau</i>

Звукъ *ia* въ корняхъ нѣтъ, а только въ морфологiи и флексiи; подъемъ его въ корняхъ рѣдокъ, напр. *kriók-ti*, храпѣть, *žiogas*, стрекоза; *plòkszczas*, плоскiй.

Двугласный *ui*, *iui*, есть только окончанiе дат. пад. ед. ч. муж. р., въ корняхъ же встрѣчается рѣдко, напр. *kuĩlys*, боровъ; *kuisys*, комаръ, *zuĩkys*, заяцъ; и въ словахъ заимствованныхъ изъ славянскихъ языковъ, напр. *muĩłas*, мыло; *tuĩ- nas*, тынъ; *muĩtas*, пошлина изъ польск. *myto* и др.

Перемѣны гласныхъ въ словопроизводствѣ, не только въ корняхъ, но и въ основахъ и въ окончанiяхъ, совершаются по вышеуказаннымъ тремъ рядамъ, напр. *gerà*, *gerója*; *staczà*, *staczója*; *gerì*, *gerėji*; *neszũ*, *neszũsi*, *neszi*, *neszėsi*; *gerũ*, *gerũju*, *gerũs*, *gerũsius*; *gerà*, *gerájă*; *geresnė*, *geresnėjė*; *geràs*, *gerósias* — чѣмъ и обнаруживается основательность изложенной Шлейхеровой теорiи о подъемахъ, ослабленiяхъ и количественныхъ увеличенiяхъ литовскихъ гласныхъ, проливаю-

щей свѣтъ на нѣкоторые ореографическіе вопросы. Въ литовскихъ сочиненіяхъ Куршата не встрѣчалось бы иногда употребленіе ū вм. o, iè (= ё) вм. è, или наоборотъ, если бы авторъ въ сомнѣніяхъ своихъ соображался съ вышеизложенными звуковыми законами.

III.

Не менѣ важна для литовскаго правописанія и теорія объ акцентѣ, о которомъ хотя много писалось давнѣйшими и современными филологами, высказано, однакожь, далеко не все, и не все высказанное — основательно и точно.

Friedrich-Wilhelm Нааск въ сочиненіи «Vocabularium Lithuanico-Germanicum 1730», обозначаетъ акцентъ слѣдующими знаками: 1) Знакъ ^{*} (gravis) ставитъ надъ краткими и двугласными окончаніями, напр. akis, žmogùs, takai, geroji. 2) Знакъ ^ˆ (acutus) надъ долгими: á, é, ó, ú, напр. pátalas, déginti, swéikinti, móтина, koróне, dúriaи. 3) Знакъ ^ˆ (circumflexus): a) надъ долгимъ окончаніемъ родит. пад. женск. р. ед. ч., напр. dūnòs, zémès, móteriès; b) надъ окончаніемъ родит. пад. мн. ч. напр. senù, dienù, brangù (sic), daiktù; c) надъ окончаніемъ 3 лица буд. врем. и въ повелит. накл. глаголовъ, имѣющихъ примѣту-è- или-ò- напр. mylès, jeszkòs, mylèk, jeszkòk. Краткіе гласные обозначены удвоеніемъ послѣ нихъ согласнаго, напр. sukkù, lippù, и пр.

Gottlieb Mielcke въ сочиненіи «Anfangs-Gründe einer litauischen Sprach-Lehre. Königsberg. 1800», пополняя грамматику Руига, обозначаетъ акценты совершенно какъ Нааск. Изъ сего явствуется, что подобное обозначеніе акцента было тогда принято нѣмецкими писателями литовской грамматики и что еще не обращалось вниманія ни на среднее количество звуковъ, ни на составъ долгихъ, ни на двузвучные слоги, ни на ритмическій